

ЦАРСКИЙ ЖЕСТ

ОТВЕТНЫЕ КОЛОКОЛА

Молния,
как венка на лице,
дрогнула,
и гром — не гром, а снайпер —
грохнул
сквозь оптический прицел
капель.
Но и лес,
согнувшись до земли,
потемнел от ярости
и ловко
начал тучи старые пилить,
словно раздражённая ножовка!
Там, где, ненавидя шум и гам,
веточка по-тютчевски молчала,
там
ветка закричала!
Сразу звуки дикие пришли,
сразу, ураганом атакован,
с треском отрываясь от земли,
лес
закувыркался,
будто клоун!
Тихий,
он себя провозглашал,
нежный,
угрожал он потасовкой.
И чем больше ливень оглушал,
тем сильнее лес визжал ножовкой.
А когда посыпались с небес
солнечные теплые опилки,
замер с наслаждением мокрый лес,
гнезда поправляя на затылке.

И уже березки, как детсад,
парами шагают по тропинке,
и у них сережечки висят,
точно рукавички на резинке.

СОСНЫ — КАК ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Сосны стоят, как зеленые тучи,
льющие наземь прямые стволы!
Ели приземисты. Ивы плакучи.
Сосны всегда высоки и светлы.

Нет у них ни сучка за душой:
лишь только ветка на крону взберется —
тут же уступит дорогу другой
и, потемнев, отпадет, как короста.

Сосны сжигают мосты за собой,
чтоб не попятиться, чтобы не сдать.
Сосны — не сосны, а Дмитрий Донской,
что перешел через реку сражаться!

Но в тишине, когда ночь разгорится,
хочется соснам по спящим ветвям
тайно на темную землю спуститься,
чтобы поплакать немножечко там.

Только ветвей не найти на стволе.
Сосны качаются с болью немою.
И опуститься не могут к земле,
да и подняться на небо не могут.

ЛИНЬ

Этот лить, этот ливень подводный,
этот женский ажурный чулок,
из залива мелькнувший свободно,
словно сделала заводь шажок!

Только снасти готовы. И точен
Острожный заброс рыбака.
И как жабры твои кровоточат,
никогда не узнает река.

И полюбишь ты хриплые краны,
что прикажут, тебя оживив,
в форме ванны проплыть, в форме ванны —
без песка, без ракушек, без ив.

И когда тебя с грустью иль сдуру
в реку выплеснут, чтоб не пропал,
ты начнешь высекать, как скульптуры,
из реки за овалом — овал.

ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

Словно пасмурный зэк, отпахавший
десятину свою за разбой,

как на страшную волю-паханшу
выхожу я на встречу с тобой.

Через десять годков позвонила...
Я свой срок — от звонка до звонка —
отмотал, получается? Мило.
Шило — в мыло. Я — тертый з/к.

Чтобы будущего не похабить,
я над прошлым возвел саркофаг.
За версту стал я чувствовать бабий
влажный запах, как запах собак.

Но звонок оглушающий пробил
и пробил зачехленный пробел,
и взметнувшейся воли Чернобыль
на чернику неволи осел.

Не пушайте меня за ворота,
вертухаи былого чутья.
Целься в пояс, конвойная рота,
чтобы в мозг не пошла малафья!..

Мне за ржавую, частой решеткой
йодной сетки на хриплой груди
так вольготно, так шатко, так кротко!
Что же машешь ты мне: «Выходи!»?

Как стерпеть, если сжился, что умер,
иль от сна затыжного затёк,
замозживший от нежности зуммер,
оживляющий поздний звонок?!

БИТВА ДВУХ ЗАПАХОВ

Стою против ветра, чтоб запах духов отнесло!
И если бы мог видеть запахи твой ноздреватый супруг,
спросил бы с прищуром: «Зачем в небесах тяжело
оранжевый шар баскетбольный летит, словно птица на юг?»

А мне его баба нужна была, но для чего?
Чтоб чем-то загрызть, хоть с грехом пополам, предыдущий свой
грех.
Ну что его баба? Так-эдак, мускатный орех.
Какая там Гретхен?! Глушилка, искусственный мех,
помеха кривая, но самая, может, из всех
кривая, что так исказила чело.

Я запахом запах, как пламя внезапное курткую, сшиб.
Вдруг мент остановит с волшебною трубкой: а ну,
дыхни-ка, и я подставным ароматом дыхну,
где хвоя и хна — я польстился на хвою и хну! —

но прежней возлюбленной не раскрывается шифр:
тут в Турции нужно настурции стырить в большую луну,
в Моравии — горсть муравьев, а в Словении — сливу одну
и спиртом залить, обронив туда розовый шип.

Два запаха женских — два рыцаря в длинных плащах,
пращи раскрутив, проскакали галопом по мне
и бьются друг с дружкой насмерть на тонких мечях.
Пусть бьются. Пусть насмерть. Мне побоку. Я — в стороне.

* * *

Отворю ли окно на лесок,
что в похмелье тумана вздыхает,
иль вдохну в себя целый цветок —
как красиво! А не спасает.

«По реке, отходящей ко сну,
как пощечина, лещ ударяет...»
Напишу. Перечту. Зачеркну.
Как красиво! А не спасает.

Выходи на помост, красота,
если друг мой на грани обрыва
набухающей тучею рта
прогремел мне вчера: «Как красиво!»

Но цветёт, отстрадавши, земля
красотою такую несметной,
что ее упрекнуть-то нельзя
никакою запиской предсмертной.

Я и сам не пойму, отчего
посреди просветленного мира
угасает влюбленная лира,
двух красот нарушая родство?

Как земли не найти на земле,
так меня не ищите со мною.
Если был я всю жизнь не в себе —
это значит, что был я с тобою.

А где мне предначертано быть —
тосковала лишь форма пустая.
Приезжай поскорей, дорогая,
меня с ложечки покормить.

ОТПЕВАНИЕ ПУГАЛА

Кашель друга, кусочек засохшего торта,
цвет и запах рубахи — оранжевый и травяной,
муравьиный и щучий при близком вдыхании, твой,
то есть мой, то есть это не вскрытая криком аорта

с ясной кровью, где солнце летит по кривой
вкруг Земли — не Земля. И ни Бога, ни черта —
три кита и кагора когорта,
и ты становилась женой,
дальше стерто...

Кашель друга, густой, красноярский, он — мостик скрипучий.
Я по жердочкам кашля, рябящим, березовым быстро пройду
на тот берег, где кашель, начавшийся в прошлом году,
переброшен в теперешний. Там в золотистом поту
я тону с дикой женщиной. Кашляй же, кореш мой, пуще!
Я в блаженстве, пока тебе не вмоготу.

А рубаху, в которой прощался, носить не могу.
Подарю ее пугалу. Пугалу будет в дугу.
Но уж торта остатки по голому полу катать
стали в свадебном визге добрейшие мыши без страху.
Кашель друга иссякнет. И с пугала снимет рубаху,
прополощет в трех водах и выжмет, и высушит мать.

ЦАРСКИЙ ЖЕСТ

Сегодня день такой,
что я прощаю всех.
Алмазною иглой
сорит он из-под стрех.
И нет медуз нежней,
чем нити паутин,
сковавших меж ветвей
лишь дождичек один.
И мне за то, что брань
я встретил, как зарю,
вдруг чмокнул кто-то длань,
как будто бы царю.
А посему — указ
слагаю, а не стих.
Итак, читайте:

«Аз,
кого мой гнев постиг,
кого упек в острог,
построенный в мозгу,
кого — в бараний рог,
на кол — и ни гугу,
кого крушил сплеча
без палицы-меча,
тому кафтан с плеча
дарую, хохоча!

Прощаю вас, цари,
за бред и недород
от Иоанна — и
на сотни лет вперед!
Не гневаюсь — за что? —

на бедное родство
от Кукольника — до
Неведомо Кого.
Как ворох голубей,
отпущены грехи
свергающим — взашей
с крылец мои стихи.
Чем жалую? Травой.
И хлебом в узелке.
И лесом над рекой.
И рыбою в реке.
И птицею в глуши.
И ягодой к тому ж.
А тех, кто без души, —
Деревней в тыщу душ.

Прощаю вас. А вы
Благодарите все
За это дух травы
В мигающей росе».